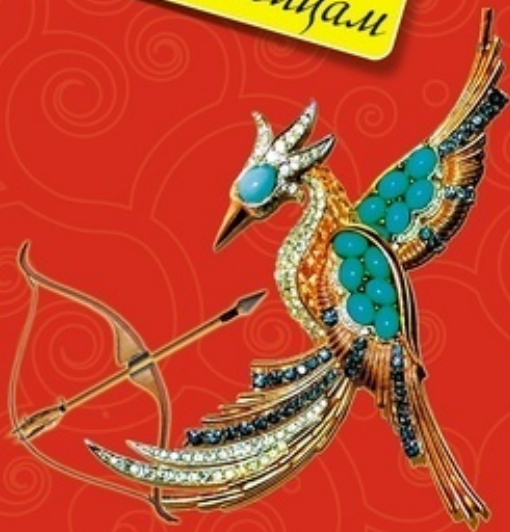

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Инна Балтийская

Киллер по
красавицам

Инна Балтийская
Киллер по красавицам
Серия «Детективы о женщине-цунами»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599385

Киллер по красавицам: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-48090-6

Аннотация

С некоторых пор в городе, где живет гадалка Полина Кудрявцева, стало небезопасно: маньяк взялся отстреливать из снайперской винтовки молоденьких девушек. Первые две жертвы незадолго до смерти получили анонимные записки с текстом: «Ты слишком красива, чтобы жить». Ничего себе заявочки! Недавно Алене – однокурснице убитых девушек – пришлось точно такое же послание, и теперь единственный для нее способ остаться в живых – это вычислить снайпера. Детективы, пожалуй, не справятся, подумала Алена и обратилась к гадалке Полине. Она такую порчу наведет, что любой киллер в один миг забудет, как винтовка выглядит!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Инна Балтийская

Киллер по красавицам

Глава 1

Подтянутый мужчина в самом расцвете лет шел по городу, хмуро глядя себе под ноги. И погода, и настроение были не по-весеннему пасмурными. В квартире, куда он сейчас направлялся, все утро никто не отвечал на телефонные звонки. А ведь девушка должна была получить его письмо. Он указал точную дату приезда, и вот – никто его, похоже, не ждет. А может быть, просто что-то случилось с телефоном?

В любом случае надо пойти по адресу и позвонить в дверь. Все равно больше в Городе делать ему нечего. Интересно, девушка и в жизни такая же хорошенькая, как на фотографиях? Невольно улыбнувшись своему отражению в витрине очередного магазинчика, он задумался. Давненько не флиртовал с молоденькими девчушками, ох давненько. А ведь ему нет еще и сорока. Неудачный бездетный брак давно распался, все любовницы – его ровесницы или замужние, или разведенные, но все с детьми... А ведь он еще мужик хоть куда, еще способен осчастливить любую девчонку. Своих детей еще может завести. Настроение стало потихоньку подниматься. Он вскинул голову, подставив лицо робкому весен-

нему солнышку.

Может быть, надо бы купить букетик подснежников для первой встречи? Нет, пока не стоит. Если никого не окажется дома, подснежники увянут. Ничего, если девушка ему понравится, он купит ей огромный букет роз, алых, как ее расцветающая женственность. Или темно-бордовых, как его зрелая мужественность. Нет, все же без цветов приходиться нельзя, ведь вчера был праздник, Международный женский день... Надо бы купить коробочку с орхидеей, так завлекающе смотрящую из витрины. В любом случае орхидея и до завтра не завянет. В прищуренных глазах заметался, ослепляя, непрошенный солнечный зайчик. На мгновение перебрался на лоб, опять полоснул по глазам. Мужчина завертел головой, пытаясь увернуться от неприятного блика. Выстрела он не услышал.

* * *

Я задумчиво поглядела в окно. Вот и весна началась. Солнышко светит, птички поют... То есть вороны каркают. А я уже второй месяц почти не вылезаю из дома. Хорошо, заработанные в гадальном салоне деньги еще не закончились. На еду и на квартплату пока хватает, но модные туфли уже купить не на что. Мой гадальный салон накрылся медным тазом, ничего другого делать я не умею – только гадать. И вот теперь сижу дома, проедаая остатки не таких уж больших на-

коплений, и раздумываю о своей незавидной участи. Работы у меня нет, устроиться куда-либо в Белгороде с образованием филолога практически нереально. С личной жизнью тоже проблемы. Почему-то все парни, которые мне нравятся, оказываются маньяками или, на худой конец, обычными преступниками. Интересно, я-то чем привлекаю разнокалиберных негодяев? Или дело в том, что сама в них влюбляюсь, а они лишь отвечают на мое большое и чистое чувство? Ну почему я никогда не западаю на добропорядочных граждан?

Вот есть у меня, к примеру, приятель Паша. Стройный блондин. Вернее, был бы блондином, если бы у него на голове было побольше волос. И наверняка был бы стройным, если бы вылечил хронический гастрит. А уж если бы вставил недостающие передние зубы, так цены бы ему не было. Пока же – без зубов, без волос и без намеков хоть на какую-то мускулатуру – он похож на Кощея Бессмертного в нелучшие годы. Зато в законопослушности Паши я уверена на все сто. И он полон самых что ни на есть серьезных намерений на мой счет. Но все же пока узник Освенцима с редкими волосиками меня не привлекает. Хотя еще несколько романов с серийными убийцами – и возможно, Паша покажется мне ангелом во плоти. От грустных размышлений меня отвлек телефонный звонок. Конечно, это Паша. Легок на помине.

– Полечка, я... мы тут у твоего подъезда стоим. Можно к тебе подняться?

Я посмотрела на часы. Да уж, не слишком удачное время

для светского визита. Часовая стрелка ближе скорее к одиннадцати вечера, чем к десяти. К тому же завтра не суббота, а, напротив, понедельник, все нормальные люди на работу идут. Правда, ко мне это не относится, как, впрочем, и к Паше. Ладно, что ж поделаешь, если люди стоят буквально под дверью... Разумеется, я милостиво разрешила Паше подняться и пошла открывать дверь. Паша уже стоял на пороге, да не один, а вместе с невысокой темноволосой девушкой, весьма симпатичной.

– Знакомьтесь, это Полина, а это моя двоюродная сестра Алена, – протараторил Паша, едва переступив порог. – Она студентка филфака. Ее скоро убьют.

– Ну и шуточки у тебя! – возмутилась я.

– Нет, он не шутит, – мелодичным голосом протянула девушка. – Полина, давай лучше я сама все расскажу.

Ее рассказ занял не так уж много времени. Эта история началась примерно три недели назад и сначала казалась всем ужасно забавной. Прелестным весенним утром две однокурсницы Алены обнаружили в своих почтовых ящиках конверты, на которых печатными буквами были выведены их имена и фамилии. Внутри конвертов лежали записки. Печатными же буквами был написан и совершенно одинаковый текст: «Девочка, ты пленила мое сердце. Но ты слишком красива. Мне ты не достанешься никогда. Поэтому не доставайся же ты никому!»

Совершенно офонаревшие девчонки притащили записки

в университет и начали показывать сокурсникам. Довольно скоро обе стали всеобщим посмешищем. Посмотреть на них прибегали студенты даже со старших курсов. Все наперебой спрашивали, кто же тот страстный поклонник, сердце которого обе девушки пленили своей красотой. Девчонки, не на шутку обозлившись, попробовали было вычислить насмешника, но потерпели неудачу.

Через две недели страсти вокруг записок улеглись, над девушками наконец перестали смеяться. А неделю назад университет потрясла новость: в воскресенье, когда сдружившиеся на почве нервного потрясения девушки гуляли по улицам тихого центра, их, не говоря худого слова, застрелили. Экспертиза установила, что стреляли из винтовки с оптическим прицелом. Видимо, снайпер сидел на крыше старинного шестиэтажного дома. Сама винтовка обнаружена не была. Весь курс начали таскать на допросы, и у девчонок, и у парней брали образцы почерка, но увы...

– Потрясающая история, – выдохнула я. – А ты-то каким боком в ней замешана?

– Примерно через два дня после девчонок я тоже нашла в своем почтовом ящике конверт. Со своим именем и фамилией. Естественно, тоже печатными буквами. А в конверте – записка. Я просто тогда никому не стала о ней говорить, чтобы тоже не стать посмешищем. А сейчас... Как ты думаешь, мне не о чем беспокоиться?

– Так надо в милицию бежать, пусть защиту дают!

– Так сразу после убийства девушек и побежала, – усмехнулась Алена. – Во-первых, мне сказали, что от снайпера ни один телохранитель не уберезет. А потом спросили, на какое время мне потребуется защита? На день, на неделю, на месяц, на год? Когда этот снайпер, будь он неладен, приступит к делу? Что мне было отвечать?

– Сказала бы, пожизненно! – раздраженно проворчала я. – Ладно, покажи записку. Может, чего умного посоветую.

– Сама записка в милиции. Но я тебе ее на память процитирую, там не так уж много текста. «Сладенькая моя, ты уже созрела. Скоро я увижу твой последний взгляд и услышу последний вздох».

– Что-то я не поняла. Те две подруги, получившие записки, – они как были убиты?

– Выстрелом в голову.

– И ты хочешь сказать, что таким странным способом сексуальный маньяк расправляется со своими жертвами? Да для любого маньяка главное – полюбоваться на мучения жертвы вблизи. Поэтому они либо душат, либо режут несчастных. Даже по записке ясно – ему надо все и увидеть, и услышать, понимаешь ли. А какой же тут кайф – пару минут поглядеть на жертву через оптический прицел?

– А ты у нас специалист по маньякам?

– Да вот одного лично обезвредила, – скромно потупилась я. – Пашка, живо подтверди!

Бедняга с энтузиазмом закивал головой.

– Ну и что с того? – не сдавалась Алена. – Улики налицо. Сначала девчонки получают записки, а через две недели их убивают!

– Да подожди ты со своими уликами. А если это просто совпадение? Какой-то извращенец пишет письма, а посторонний киллер стреляет...

– В смысле, бригадный подряд у них такой? Ты сама-то в это веришь?

– Ну хорошо. А если предположить, что у извращенца, пугающего девушек, есть кровный враг. Он узнает про письма и убивает адресаток. Ну, чтобы извращенца подставить.

– Так чего же не подставил? Он сначала собирается полгорода перестрелять? – Алена изумленно вытаращила на меня глаза. Я не решалась встретиться с ней взглядом. Ежу понятно, моя логика хромает на обе ноги. Скорее всего анонимщик и есть убийца. Но даже если это разные люди, то что это меняет? Приходится признать, что Алену скорее всего вот-вот пристрелят.

– Не знаю даже, что и сказать, – наконец разродилась я. – Чем я могу тебе помочь?

– Я хочу нанять тебя, ну, как охрану, – так же неуверенно пробормотала Алена. – Паша сказал, что ты очень храбрая и решительная. А если мы всюду будем ходить вдвоем, скорее всего меня не тронут.

Я так вовсе не считала. Как показала практика, неведомый снайпер с удовольствием стреляет дуплетом. Впрочем,

девчонку можно понять, нелегко жить под прицелом. Уж я это отлично знаю.

– А у тебя что, полно денег? – чтобы хоть как-то оттянуть время, спросила я.

– Не то чтобы полно, но они есть. Вот два года назад действительно не было, – быстро заговорила девушка. – Я три года назад, после смерти матери, осталась совсем одна, думала, за долги из квартиры выселят. Мне только 16 стукнуло, я еще в школе училась. Пошла официанткой подрабатывать в одно гребаное кафе, терпела там толстого чеченца, он все под юбку норовил залезть. А потом подумала – а что я так страдаю, у меня ведь папаня имеется! С мамочкой развелся вечность назад, про меня и думать забыл. Так ничего, напому! И напомнила. Мы два года назад воссоединились. Денег у него, конечно, немного, он уже пенсионер. Но я переселилась к нему, в его «трешку», а свою «двушку» теперь сдаю. И на питание хватает, и даже на учебу. То есть учебу, конечно, почти полностью отец оплачивает.

– А на телохранителя хватит?

– Сто долларов в месяц тебя устроят?

– Нет. Моя жизнь не продается, она дорога мне как память, – не выдержав такого цинизма, отрезала я.

– Тебе-то что грозит?

– Если меня не подвел слух, тех девушек – ну, которых неделю назад положили – убили одновременно, или я ошибаюсь? Кто помешает маньяку – или не маньяку, уж не знаю

– застрелить и нас с тобой вдвоем?

Алена не отвечала. Низко опустив голову, она смотрела в пол. Плечи мелко тряслись. Паша, с понурым видом сидящий в сторонке, укоризненно глядел на меня своими провалившимися, блеклыми, как будто выцветшими, глазами. И чего, спрашивается, пялится? У самого ни работы, ни денег, зато времени свободного полно – вот и защищал бы сестричку! А то меня он, видите ли, отрекомендовал – храбра как лев! Тьфу!

Алена рыдала все сильнее. Я отошла к окну и глубоко задумалась. В самом деле, не могу я так просто выставить эту парочку за дверь. Алену скоро пристрелят, а я потом всю жизнь буду чувствовать себя соучастницей убийства. Нет, надо найти маньяка-снайпера. Опыт розыскной деятельности у меня есть, правда, результаты не сильно впечатляют. Ничего, на ошибках учатся.

– Ладно. – Я резко повернулась к девушке. – Уговорила. Только я буду держаться на некотором отдалении от тебя. Чтобы снайпер сразу не понял, что мы вместе. Если увижу на крыше несимпатичного дядечку с огромным ружьем, крикну: «Ложись!» А вообще, я думаю, какое-то время у нас есть. Ну не псих же этот снайпер – стрелять прямо сейчас, когда такой шум вокруг него? Ну вот, мы как можно скорее должны сами найти стрелка. Иначе, боюсь, не только я, но и дюжина спецназовцев тебя не спасет.

Пообещав Алене навестить ее завтра утром, я отправила

незванных гостей по домам на такси, а сама пошла на кухню пить чай. Что-то не давало мне покоя в страшилке, рассказанной гостями. Почему записки с угрозами пришли именно этим трем девушкам? Были ли они подругами? Алена как-то обошла стороной этот вопрос. Почему Алена получила записку лишь через пару дней после своих однокурсниц? Почему никому ее сразу не показала? Действительно побоялась стать посмешищем, как те девчонки, или была другая причина? Ну ладно, на весь курс о полученной весточке могла бы и не трубить, но хоть ближайшей подружке... Но нет, не обмолвилась никому. Просто партизан какой-то, а не девица. Алена Космодемьянская, блин.

И потом – неужели ей действительно не к кому обратиться за защитой? Из меня телохранитель, как из слона балерина. Даже Паша выглядел бы посolidнее. И зачем я опять влезла в историю? Пожалела девочку, называется, вызвалась служить живым щитом. Ох, вечно я во что-то вляпываюсь! Но слово уже вылетело, не поймаешь. Как говорится, поздно пить боржоми, когда печень отвалилась.

Глава 2

Назавтра я пошла в гости к внезапно свалившейся на мою голову телоохраняемой. Алена жила в старом шестиэтажном доме во дворе. Да уж, место для снайпера просто замечательное. Глубокий сумрачный двор-колодец образован четырьмя домами, стоящими практически вплоты, войти во двор можно только через низкую арку. Похоже, чужие здесь принципиально не ходят. Ладно, погуляю по двору, произведу, так сказать, проверку местности. Тем более что еще нет десяти утра, вроде рановато для гостей.

Я как заведенная кружила по двору. Внезапно дверь подъезда распахнулась, и из-за нее показалась... тупая собачья морда. Невысокий мускулистый пес с приплюснутым, почти человеческим лицом прыжком выскочил наружу и встал напротив меня. Он не рычал, но по оскаленным зубам и прижатым ушам было видно, что пожевать меня собачка готова в любой момент. Я осторожно попятилась. Пес негромко завыл, и я на всякий случай остановилась. Ну где же хозяева этого людоеда? Дверь снова распахнулась, и из подъезда вышел крепкий бритый мужик лет сорока.

– Рустам, рядом!

Дружелюбный песик отвернулся от меня и, как мне показалось, с видимым сожалением потрусил к мужику. Я выдохнула, вытерла со лба выступивший пот и, опасливо озираясь,

юркнула в подъезд. В следующий раз разведку местности буду проводить вместе с аборигеном, то есть с Аленой. Может быть, своих этот пес не ест.

Тем не менее до двери Алениной квартиры я добралась без приключений. Дверь мне открыл невысокий седой мужчина.

– Алена дома? Мы договорились с ней встретиться. Это ничего, что я так рано?

– Алена уже не спит, – приветливо улыбнулся мужчина. – Проходите.

Он помог мне снять плащ, ногой пододвинул тапочки и ушел куда-то в глубь квартиры, по дороге постучав в дверь боковой комнаты. Через полминуты оттуда высунулась Алена и поманила меня рукой.

Я зашла в маленькую комнату, в которой стояла небольшая тахта, покрытая серым мохеровым пледом, и компьютерный столик с новым компьютером. Другой мебели в комнате не было. Стены были щедро украшены плакатами в стиле соц-арт.

На тревожно-оранжевом фоне комсомолка в красной козынке с суровым лицом прижимала к губам указательный палец. «Не болтай!» – гласила надпись. Рядом висел набивший оскомину пост с молодым красноармейцем, вопрошавшим: «А ты записался добровольцем?» С трудом оторвав взгляд от плакатов, я присела на тахту и тут же уткнулась взглядом в забавный постер, на котором что-то расслабленно танце-

вал стилинга в расклешенных джинсах и непропорционально больших кроссовках с толстой подошвой. Лицом молодой человек сильно напоминал Волка из мультика «Ну, погоди!». Крупная надпись гласила: «Сегодня носит «Адидас», а завтра Родину продаст!»

Я перевела дыхание. Интересное у девушки чувство юмора! Вообще-то у моих ровесниц в комнатках в свое время висели постеры различных рок-групп, а сейчас, наверное, на стенах современных девчонок должны красоваться Басков с Галкиным. А эти плакаты скорее подошли бы одинокому холостяку слегка за сорок, у которого воспоминания о сравнительно недавно закончившейся советской власти вызывают умиление, смешанное с ностальгией о прошедшей молодости. Ладно, я сюда пришла не шутки шутить. Чувствуя себя не в своей тарелке, я с места в карьер набросилась на девушку:

– Скажи честно, у тебя нет ни одного знакомого или родственника мужчины? Зачем ты обратилась ко мне? Попро-сила бы Пашу. Или вот твой отец – вполне еще крепкий мужик. Он пенсионер, делать все равно нечего, почему бы ему тебя не охранять?

– Да ты что, с катушек съехала? – Глаза девчонки округлились. – Ты хочешь, чтобы меня из универа папаша встречал и за ручку домой отводил? На это зрелище народ сбегаться будет!

– На твоём месте я бы не об этом волновалась!

– Да и я – не об этом. – Голос Алены неожиданно сорвался. – Пойми, отец – единственный, кто у меня остался! Больше – никакой родни, кроме придурка Пашки и его матери. Марина Петровна – моя родная тетя, но она меня после смерти матери даже не навещала ни разу! Понимаешь, у меня на самом деле во всем Белгороде – никого! Я ему даже говорить ничего не хочу. Вдруг у него сердце больное, вдруг ему плохо станет? Или вообще... И я... Я тогда останусь совсем одна!

По щекам девушки побежали слезы. Я отвернулась. Между прочим, я у моей мамочки тоже одна, и других родственников в Белгороде у нее тоже нет. Но меня и мою маму Алёне не жалко. Ладно, глупой девочке всего девятнадцать. И возможно, больше ей уже не будет. Не успеет исполниться.

– Алёна, почему ты никому не говорила о записке? Те две девушки – они раструбили содержание анонимок на весь универ, а ты молчала.

– Но над ними все ржали! Ты думаешь, я хотела тоже стать посмешищем?

– Но... У тебя в группе нет подруги?

– Пока не обзавелась.

– А когда девушек убили, ты наконец показала кому-то из сокурсников записку?

– Нет.

– Думала, все еще будут смеяться? Твоих однокурсников очень развеселила история со снайпером? Стала темой для анекдотов?

Алена молчала, смотря куда-то вбок. Так, великолепно. Она явно морочит мне голову. Ту самую, которой я ради нее должна рисковать, между прочим.

– Алена, так дело не пойдет. Если я буду рисковать ради тебя жизнью, то должна знать правду. Иначе я уйду. Прямо сейчас.

– Я боялась, что подумают на меня, – наконец произнесла Алена.

– Не поняла. Что – на тебя? Что ты – писала записки? Или стреляла?

– Сначала – про записки, а потом...

Я возилась с упрямой девчонкой больше часа, пока не вытянула из нее более-менее связное изложение дикой истории.

Где-то в середине учебного года Алена умудрилась завести роман. Ее внимание привлек высокий черноволосый красавец, постоянно отиравшийся возле кафедры иностранных языков. Сначала девушка всего лишь стреляла глазками, потом перешла к более решительным действиям. А именно – пригласила красавца в институтское кафе. Разумеется, просто поболтать. Болтовня с черноволосым Филиппом так увлекла девушку, что она стала с ним встречаться регулярно. И только через месяц после знакомства узнала, что красавец вовсе не учится в их универе. Он уже года три как завершил свою учебу: с очень посредственными оценками в дипломе, зато со свидетельством о браке. И не с кем-нибудь,

а с деканом одного из факультетов. Тощая, похожая на воблу, эта декан состояла в нескольких комиссиях по культуре и, по слухам, получала неплохие взятки за то, что принимала в университет двоечников, желающих откосить от армии.

По молодости лет то, что парень оказался женатым, не смутило студентку. Она продолжала походы по кафе, которые по инициативе кавалера становились все круче и дороже. Причем он принципиально не платил не только за даму, но даже за себя, мило оправдываясь тем, что пока – разумеется, временно – он безработный. Но вот-вот он устроится на денежную работу, и тогда они с Аленой отпразднуют это дело в самом дорогом китайском ресторане. Девушка гордилась тем, что на нее запал такой красавец. Она подолгу смотрела на себя в зеркало – да, симпатичная. Можно даже сказать – очень симпатичная... Но он, с его-то внешностью, мог бы выбрать любую красотку, а выбрал ее! Ее самооценка росла как на дрожжах.

Увы, довольно скоро Алена поняла, что никакой денежной работы у Филиппа не будет. Хотя бы потому, что он к ней и не стремится. «Муж деканши» – основная профессия этого роскошного мужчины. Девушке надоело ходить голодной, поскольку те небольшие деньги, которые со своей пенсии выдавал ей отец на еду, она тратила на пирожные для красавчика. А Филипп все настойчивее намекал на то, что днем его квартира абсолютно свободна...

И вот в один прекрасный день девушка решила дать ка-

валеру «решительный отлуп». Она встретила с ним утром перед зданием университета. Филипп по привычке приобнял было девушку за плечи, но она вывернулась, перевела дыхание и произнесла заранее заготовленные фразы. Услышав торжественное: «Мне очень жаль, но нам лучше расстаться. Давай останемся друзьями», красавец долго хохотал, а затем, утирая набежавшие от смеха слезы, сказал, что таких «друзей» у него навалом, даже с Алениного курса парочка имеется. Так что раз не ценит девушка своего счастья, то все, свободна.

У Алены от гнева перехватило дыхание. Она-то, дура, неделю готовилась к решительному шагу, репетировала свое выступление перед зеркалом, даже всплакнула ночью в подушку... И, что греха таить, в самой-самой глубине души все же надеялась, что Филипп на расставание не согласится. Что он одумается, найдет работу, может быть, разведется со своей старой мымрой... Словом, она ожидала любой реакции, кроме вот такого плевка в душу. Пока она собиралась с мыслями, кавалера и след простыл.

Но оскорбленная в лучших чувствах Алена не успокоилась. Она установила за Филиппом форменную слежку. Прогуливала лекции, поджидая его прихода, часами отиралась в коридоре возле деканата. И через пару недель обнаружила, что красавчик встречается еще с двумя девицами с ее курса – Ирой Фединой и Таней Протченко. Видимо, прохвост предпочитал первокурсниц – молоденьких, глупеньких. А воз-

можно, девицы постарше сами браковали безденежного женатика.

Вот тут и наступил звездный час юной сыщицы. Перед очередной лекцией, когда весь курс собрался в аудитории, Алена громко обратилась к ничего не подозревающим девчонкам: «Ну что, бабоньки, как вам наш общий кавалер? Сколько денежек вы на него уже потратили? Кстати, за сеанс в постели он сколько берет?»

В общем, скандал получился громким, с привлечением широкой общественности. Девчонки ревели, однокурсники смеялись, однокурсницы осуждали Алену. Естественно, Филипп лишился обеих своих поклонниц. Через несколько дней все утихло, девчонки успокоились, получившая полное удовлетворение Алена – тоже. И все было тихо примерно месяц. А за несколько дней до получения анонимок по курсу прошла новость – кто-то настучал деканше про роман ее муженька с Ирой и Таней. Девчонок вызвали к ректору, грозили исключить из института... Девчонки отпирались, Филипп тоже, и в конце концов дело кончилось пшиком, но нервов обеим потрепали столько, что Ира уже и сама подумывала уйти. Про Алену ни деканша, ни ректор не вспоминали. Естественно, пострадавшие девушки подумали, что донесла на них именно она.

Для Алены наступили кошмарные деньки. Ира с Таней подбивали курс объявить Алене бойкот, устроить темную. Но еще не сдружившиеся между собой студентки инициати-

ву не поддержали. Тогда Таня сама попыталась лишить Алёну большей части пышной шевелюры. После этого Алёна пару дней на учёбу не приходила. И вышла как раз в тот день, когда две ее врагини получили анонимки.

Я отупело слушала сумбурный рассказ Алёны. Да уж, ничего удивительного, что автором маньячных записок посчитали именно ее. И никто бы не поверил, если бы девушка показала такую же записку, подсунутую в ее почтовый ящик. Скорее наоборот, укрепились бы в своем предвзятом мнении. Все это понятно. Но...

Но ведь после того, как девушек хладнокровно застрелили, Алёна могла показать записку? Я помотала отяжелевшей головой. Виски ломило, было похоже, начинается мигрень. Я потерла голову, раздумывая: а верю ли я сама Алёне? Если брать голые факты, то что на самом деле произошло? Итак, первое: кто-то заложил Алёных соперниц деканше, пощадив Алёну. Кто? Дальше – пострадавшие девчонки устроили «веселую жизнь» Алёне. После этого они получили анонимки с угрозами. А еще через три недели их убили. Сама же Алёна цела-невредима. Про то, что она тоже получила анонимку, сообщила только после гибели девушек.

Все это наводит на определенные размышления. Первый вариант: у Тани – или Иры – имелся смертельный враг. Он дождался скандала и затем устранил жертву вместе с подружкой, подставив Алёну. А второй, менее привлекательный вариант, – все это проделала сама Алёна. Сначала решила ото-

мстить предателю-возлюбленному – поиздевалась над соперницами, настучала деканше. Затем, когда против нее развернулась травля, решила соперниц устранить физически. Написала записки от имени неведомого маньяка, достала снайперскую винтовку и пристрелила девчонок. А затем написала себе записку и побежала в милицию.

Все замечательно, правда, сюда плохо вписываются два факта. Во-первых, в Белгороде, вероятно, не проблема купить старый пистолет или обрез. Но винтовки с оптическим прицелом на рынке не продаются. Во-вторых, если все проделала сама Алена, то ей бояться нечего. Зачем же она меня наняла?

Конечно, других вариантов – море. Например, Алена пристрелила девчонок, а теперь опасается мести их родственников. То есть стрелять они не будут, но избить до смерти способны вполне. Вот она и надеется, что мое присутствие их смутит. Или анонимки писала Алена, а прикончила девчонок ревнивая деканша. Алена догадалась об этом и теперь справедливо опасается спятившей бабы. Вдруг та решит, что доносчице – первый кнут? Возможно, конечно, что стрелял Филипп, на которого разозлилась жена и от которого разом ушли все любовницы. Впрочем, мне как-то не очень верится, что этот хлыщ способен на поступок круче, чем развести влюбленную девчонку на ужин в дорогом ресторане. К тому же переживать ему особо не о чем. Молодых дурочек на его век хватит. Впрочем, старых дур тоже.

Ладно, чтобы обдумать все версии, мне целой жизни не хватит. Надо разобраться хотя бы с самыми очевидными.

– Алена, я не стану тебя осуждать, что бы ты ни сделала. Но мне надо знать правду. Скажи, деканше на неверного муженька наступала ты?

– Нет. – Впервые за всю беседу Алена посмотрела мне прямо в глаза. – Не я. Я сама была в шоке.

– А сколько народу были в курсе скандала?

– Весь универ, – мрачно ответила Алена.

Вот и чудненько. А если учесть, что в университете 90 процентов студентов – девушки, можно только догадываться, сколько подруг, друзей, близких и дальних родственников они осчастливили подробнейшим пересказом пикантной истории. В общем, в курс дела введено как минимум полгорода. Так что возможность в меру сил поучаствовать в скандальном шоу была у изрядного количества народу. Значит, вопрос о возможностях закрыт. Единственная зацепка – мотивы. Кто хотел смерти двух молоденьких девчонок?

Глава 3

Конечно, возможно, речь идет о маньяке. Но в таком случае тот должен если и не учиться вместе с Аленой, то хотя бы очень хорошо знать и ее саму, и ее однокурсниц. И еще хорошо бы понять, анонимки и хладнокровный расстрел девчонок – дело рук одного и того же человека или все же двух разных? Где-то я читала, что снайперы – люди со стальными нервами, а письма написаны, похоже, слюнчавым юнцом, пересмотревшим триллеров...

– Ладно, Филиппа будем иметь в виду. Его жена навряд ли в теме, она ведь про твое участие в скандале ничего не знает?

– Наверняка знает, – уныло вздохнула девушка. – Хотя все может быть...

– Ладно, давай подумаем, есть ли у тебя еще враги. Может, отвергнутые поклонники?

Алена честно задумалась.

– Ну, до Фила был еще один...

Поклонник Алены закончил один из платных институтов по специальности юриста, но работал в фирме по перевозке грузов. Поэтому у него была служебная машина – маленький пикапчик – и большое количество халявного бензина. Бензин оплачивала фирма. Поэтому Гоша возил Алену за город, на природу и по местным краеведческим музеям.

Алена сначала была в восторге и лишь через пару недель

обратила внимание, что в один музей они приехали за 20 минут до закрытия, когда туда запускали уже бесплатно, в пригородном парке ни разу не зашли в кафе, хотя девушка робко намекала, что завтракала давно и несколько проголодалась... Затем резко похолодало, в Белгороде зима обычно начинается в середине октября, и поездки по красивым загородным местам прекратились. Вместо этого Гоша вручил Алене ключи от своей квартиры и предложил чувствовать там себя как дома.

Сначала 19-летняя девчонка пришла в восторг от такого доверия. Она только-только школу окончила, в институт за папины деньги поступила, а тут ей взрослый мужик, лет на десять ее старше, считай, предложение делает... К тому же парень очень даже ничего, высокий, плечистый, веселый. Поговорив с отцом, который лишь вздохнул, она переселилась к Гоше. И уже через несколько дней поняла, что потропилась.

Теперь Гоша и вовсе никуда ее не водил. Когда девушка возвращалась с учебы, в холодильнике лежало сырое мясо, старое и жилистое, в картонных ящиках – мелкая картошка, а на кухонном столе – записка, что ей следует приготовить на вечер и на следующий день.

К сожалению, продукты он часто покупал с просроченным сроком хранения – они продавались в супермаркете с большой скидкой. Пару раз Алена здорово траванулась просроченным творогом. А желудок Гоши, похоже, был застек-

ленным, протухшая еда не причиняла ему никакого вреда. Впрочем, Алена решила, что он просто адаптировался именно к такой пище и вполне мог бы отравиться свежим творогом. Но даже если еда все же получалась съедобной, девушку это не радовало. Гоша приходил поздно вечером, ужинал и садился смотреть телевизор. На Алену он обращал внимание, когда хотел заняться сексом.

Девушка пыталась поговорить с сожителем, но он начинал клятвенно заверять ее в своей любви и убеждать, что это же и есть она – семейная жизнь. Разве не все женщины именно об этом мечтают? Алена вовсе не мечтала о такой жизни. Она хотела в кино, на дискотеку, ну хоть в гости к подружкам сходить со своим кавалером, что ли... Но не могла позволить себе пойти с подружками в приличное кафе. Просто у нее не было денег. Университет по-прежнему оплачивал отец, но деньги, которые Алена получала, сдавая квартиру, она отдавала Гоше. Он убедил ее, что сумеет лучше распорядиться семейным бюджетом.

И правда, когда девушке понадобились новые демисезонные сапоги, Гоша не поленился, объездил вместе с ней весь город, но нашел-таки место, где совсем неплохие польские сапожки стоили на пять долларов дешевле, чем даже на базаре! Та же история вышла и с розовым коротким плащом, который непрактичная Алена хотела купить в маленьком бутике в центре Белгорода. Конечно, тот плащ, который она приобрела после трехчасовых поездок по магазинам, несколько

отличался от плаща Алениной мечты, но зато он был почти в два раза дешевле, к тому же немаркого серого цвета.

Крах почти семейной жизни наступил, когда одна из старых подруг пригласила Алёну с сожителем на день рождения. Подруге исполнилось 20 лет, и свой юбилей она решила отметить с размахом. В маленьком поселке под Белгородом сняла баню, да не простую, а со всеми наворотами – деревянными домиками, окружающими прелестное искусственное озерцо, с караоке в большом зале и банкетным столом. Алёна просила Гошу дать ей денег на подарок, но он, как всегда, ответил, что подарок купит сам.

И вот они приехали в поселок, в банкетном зале собрались человек 30, в центре стояла раскрасневшаяся именинница. Алёна подошла к ней, представила спутника, тот мило улыбнулся и достал из пластикового пакета... гель для душа. В простой такой синей бутылочке. Если Алёна не ошиблась, то именно такие бутылочки она на днях видела в хозяйственном магазинчике рядом с домом Гоши, кажется, именно они вместе с дешевыми шампунями и лаком для ногтей лежали в корзине для уцененных товаров.

– Поздравляю от всей души! – между тем вещал Гоша, протягивая имениннице гель. – Вот, получи подарок. Кстати, после парилки в душ пойдем, можем сразу и использовать.

Так стыдно Алёне не было никогда в жизни. Она, стараясь не смотреть на вытянувшееся лицо подруги, спряталась в толпе гостей. Потом всю ночь старательно скрывалась от

кавалера, благо комнаток и раздевалок в снятой бане было немало, а когда наутро пьянка закончилась, категорически отказалась ехать назад с Гошей в одной машине. Ее подвез бойфренд подруги, а вечером она вместе с отцом приехала к Гоше домой на такси. Не слушая объяснений жадюги, она быстро собрала свои вещи, включая злополучные плащ и сапоги, и, не выпуская рукав отца, бросилась вниз по лестнице. Кажется, Гоша что-то кричал ей вслед, может, даже угрожал... Алена пребывала в таком стрессе, что его слов она просто не расслышала.

Я задумалась. Конечно, такой жадина, как Гоша, навряд ли раскошелится на винтовку с оптическим прицелом. Дорогая, должно быть, вещь. С другой стороны, он мог написать анонимки, возможно, нашел на полу в своей фирме шариковую ручку и где-то достал халявную бумагу. Вот и использовал. Чтобы добро не пропадало. Хорошо, а Ира и Таня тут при чем?

– Алена, похоже, ты западаешь на определенный тип мужчин. По крайней мере, одна общая черта у них точно есть. Как бы это помягче сказать... в общем, патологическая скупость. А те девочки, которых застрелили, – Гоша их знал?

– Ну, видел, конечно, когда забирал меня из института. Впрочем, вся эта история не больше месяца заняла, потом Филипп подвернулся... нет, навряд ли он был знаком. То есть с девочками.

– Подожди, что значит – с девочками... а с Филиппом?

– А вот с ним, по-моему, были знакомы. По крайней мере, здоровались в коридоре. Но я как-то ни Филиппа, ни Гошу об их знакомстве не спрашивала.

Ну вот, картина Репина «Приплыли». Правда, особого мотива убивать девчонок у Гоши нет, но, с другой стороны, вдруг и с ними у парня когда-то был роман? Похоже, всем троим девчонкам, получившим анонимки, нравился один и тот же тип парней. Правда, никогда не думала, что жадность так привлекательна... Надо будет обязательно побеседовать с родителями девушек, наверняка хоть что-то они знают. А может, Гоша с Филиппом устроили нечто вроде рабочего подряда – один писал письма на бесплатной бумаге, другой купил винтовку... На какие деньги – полученные от очередной любовницы? Ладно, потом разберемся, а пока подведем итоги.

– Значит, под подозрением прежде всего эти двое? Больше у тебя врагов точно не было?

– Нет, есть еще Илья-эротоман, – вдруг выдала Алена. – Он за мной следит.

Глава 4

Я чуть не подавилась слюной.

– К-какой еще Илья, почему следит?

– Институтский придурок, над ним весь курс смеется. А следит как раз с того дня, как девчонок грохнули. Я оборачиваюсь – он в нескольких метрах маячит. Да еще делает вид, что на витрины смотрит, или наверх куда-то голову задирает. В подъезд вхожу – снова его рожа мелькает. В солнечных очках.

– В каких солнечных очках, опомнись, весна пока только на календаре, солнца еще не видно!

– А он круглый год в черных очках рассекает, только на лекциях иногда снимает, когда преподы сердятся.

– Ну ладно, бог с ним, пусть хоть в плавках на занятия ходит. Он точно следить за тобой только сейчас начал или, может, с начала года по пятам ходил, только ты раньше не оглядывалась? И кстати, почему эротоман?

Алена глубоко вздохнула и стала рассказывать, через некоторое время мне стало ясно, что у неведомого мне пока Ильи имелись достаточно серьезные причины навредить Алене. Собственно, хрупкий паренек был совершенно не в Аленином вкусе, но не заметить его было нельзя, не каждый парень приходил на лекции в университет в черных очках. Сначала однокурсники думали, что у парня плохое зрение,

может быть, глаза от света болят. Но довольно скоро выяснилось, что все это – сплошной выпендрей. Когда преподаватели требовали снять на лекции очки, Илья их снимал и прекрасно обходился без них.

Странный очкарик почти не общался ни с девчонками, ни с парочкой парней, случайно затесавшихся на филфак. А где-то через месяц Алена обнаружила в кармашке своей сумочки записку. На листочке из тетрадки в клеточку оказалась целая поэма. Неизвестный поклонник в поэтических строках описывал, какое прекрасное у Алены тело и как именно он собирается его любить.

Эротическое послание вызвало у девушки истерический хохот. Надо сказать, что об авторстве она догадалась сразу, ей и раньше казалось, что Илья наблюдает за ней из-под черных очков. Она показала послание нескольким однокурсницам, вместе с ними посмеялась и забыла бы об этом, но послание оказалось неединственным. Более того, содержание стихов от письма к письму становилось все более эротическим, потихоньку приближаясь к границам порнографии.

В конце концов Алене это надоело, она решила нанести ответный удар. Подходящий случай подвернулся довольно скоро. На Рождество однокурсница позвала группу к себе на дачу, в небольшой деревянный домик недалеко от города. Поехали все, в том числе и сгорающий от страсти Илья. Посидев пару часов за общим столом и дождавшись, пока гости расплзутся по дому, Алена пальчиком подозвала Илью:

– Стихи мне ты писал?

Илья застыл на месте, не отвечая. Алена быстрым движением сорвала с его носа очки и спрятала руку за спиной.

– Ну чего же ты застеснялся? Я тоже тебя хочу, – ласково пропела она.

Несмотря на неяркое освещение – в комнате горели только свечи, – ей показалось, что щеки парня вспыхнули. Но он устоял в пол и по-прежнему молчал.

– Ну что же ты молчишь, выходит, все врал в своих письмах? – с легким презрением продолжала Алена. – Может, ты на самом деле импотент? Нет? Ну так пойдем же!

Она мигом сунула черные очки в кармашек своих джинсов и схватила парня за руку. На мгновение ей показалось, что она держит куклу, настолько окаменевшая ладонь была не похожа на живую человеческую руку. Алена потянула сильнее, и Илья покорно пошел за ней. По деревянной лесенке они поднялись на второй этаж, зашли в маленькую комнатку с узкой односпальной кроватью. Втолкнув туда парня, Алена закрыла за собой дверь, для верности привалилась к ней всем телом и продолжила игру:

– Ты ведь любишь садо-мазо? У меня вот шарфик с собой есть, – и она кокетливо помахала в воздухе алым шелковым шарфиком. – Ну что же ты, я вся в нетерпении. Давай раз-давайся!

Но парень стоял все так же неподвижно. Чтобы его подбодрить, Алена медленно расстегнула верхние пуговицы сво-

ей модной оранжевой блузки, облизала язычком пухленькие губки... Напрасно, Илья не отрывал глаз от пола и вообще не подавал никаких признаков жизни, изображая, похоже, кривой фонарный столб. Тогда девушка подошла к парню вплотную и положила руки ему на плечи. Он в ужасе дернулся, споткнулся и как-то неловко, боком рухнул на кровать. Кровать протяжно закрипела, но парень по-прежнему не издал ни звука, только быстро перевернулся и теперь валялся на кровати ничком, уткнувшись в одеяло лицом. Алена поняла, что раздеть его уж точно не удастся, но решила не сдаваться.

– Ну что же ты так сразу в постель, я еще не готова. Мне разогреться сначала нужно, котик, – протянула она. – Давай мы чуть-чуть поиграем, а потом я сама к тебе прыгну.

С этими словами она подошла к кровати и легонько потрясла лежащего за плечо.

– Ляг на спинку, котик, не бойся, это не больно.

Она уже сама не верила в успех, но Илья неожиданно перевернулся, лег на спину и застыл, глядя куда-то в сторону. Алена ловко схватила сначала одну его неподвижную руку, затем вторую и так же сноровисто перевязала их шарфом. Поискав глазами, к чему бы привязать конец шарфа, она обнаружила возле кровати батареи радиатора. В деревянном домике оказалось центральное отопление. Недолго думая, она посильнее намотала на решетку батареи шарфик, потрепала Илью по щеке и, пообещав через пару секунд вернуться с сюрпризом, выбежала из комнаты. Все, больше ни-

чего сделать все равно не удастся, думала она, пусть пока по-лежит, подумает о жизни. А утром всем курсом придем от-вязывать.

Утром, рассказав однокурсникам о розыгрыше, Алена со всеми гостями радостно поднялась на второй этаж. Комнат-ка, где она вчера привязала Илью, оказалась пустой, а окно открытым. Алена в ужасе подбежала к окну. Трупа на сне-гу под окном не обнаружилось, лишь атели обрывки шел-кового шарфика. Как парень ухитрился развязаться, никто не понял, наверное, Алена не очень хорошо вязала узлы. Но еще менее понятным было то, почему, развязавшись, парень не вышел из незапертой комнаты и не пошел себе спокойно к гостям. Почему-то он предпочел покинуть дом через ок-но второго этажа. Конечно, невесть какая высота, к тому же внизу толстым слоем лежал снег, но все же через дверь было бы намного удобнее. К тому же ему все равно пришлось зай-ти в дом, чтобы забрать зимнее пальто. К счастью, он его дей-ствительно забрал, в чем с несказанным облегчением убеди-лась пришедшая в ужас Алена. Куда делся Илья после свое-го ратного подвига, никто не мог даже предположить. Элек-трички ночью не ходили, все гости приехали на нескольких машинах, которые спокойно стояли возле домика. Девушка кинулась звонить Илье на мобильник, но трубка неизменно отвечала «Абонент временно недоступен».

В общем, праздник у Алены был здорово подпорчен. Илья не ходил в университет еще пару недель, правда, Алена

все же дозвонилась ему домой. Женский голос ответил, что Илюша приболел и поэтому на занятия ходить пока не может. Ладно, главное, жив, успокоилась Алена. Потом парень пришел в институт, с Аленой по-прежнему не разговаривал, писем больше тоже не писал. И до весны девушка совсем забыла о своем розыгрыше с осложнениями. Не вспомнила о нем, даже получив анонимку. А после того как она узнала, что застрелили Таню и Иру, Алена, в панике добежав до дома, неожиданно для себя оглянулась и в проеме дворовой арки увидела Илью!

Глава 5

Я почувствовала себя неважно. Голову как будто сжало могучей рукой. Дело в том, что мне все меньше нравилась Алена и все меньше хотелось из-за нее рисковать. Значит, высоким красавцам она готова рестораны оплачивать, а бедный неказистый Илья ничего, кроме издевательств, не заслужил? Что он ей сделал плохого? Ну не нравятся его эротические стихи, выкидывала бы, не читая, или просто посоветовала бы человеку найти другой объект желания. Может, я и не права, но очень жаль стало бедного эротомана. Так и в импотента превратиться недолго. Да, у бедняги имелись реальные основания ей мстить. Более того, у него были для мести наиболее веские основания. А остальные девчонки тут при чем?

– И он каждый день за тобой следит?

– Да, всю неделю.

– А с другими девочками у него конфликты бывали?

– Какие конфликты, он рта никогда не раскроет! И со мной бы не конфликтовал, если бы меня его эротические поэмы не достали до печенок!

Да, такой тихоня способен и убить, раз уж никак по-другому свою злость выразить не может. В общем, начинать следствие надо именно с него. А там, глядишь, окажется, что и другим девушкам он свои поэмы в сумочки подсовывал,

просто про ответный ход Алены знает весь курс, а другие объекты страсти эротомана, возможно, действовали втихую. Значит, завтра же идем знакомиться с Ильей.

Назавтра в полдень мы с Аленой встретились возле входа в университет. Скороговоркой поздоровавшись, она так же быстро произнесла:

– Бежим скорее, я узнала, что он с утра в читальне сидит. Скоро может уйти.

Она схватила меня за руку, и мы, рысью пробежав три квартала, за пару минут донеслись до университетской библиотеки. В читальном зале народу было немного. Я сразу обратила внимание на тоненького черноволосого паренька, росточком чуть повыше меня и вдобавок – в черных солнечных очках. Я вопросительно взглянула на Алену, та кивнула:

– Да, это Илья. Тот самый эротоман.

Я прошла вдоль зала и села за свободный столик за спиной студента. Алена набрала на стеллажах умных книг и села рядом со мной. Делая вид, что поглощена учебником славистики, я изучала Илью. И как только ему в этих очках удастся читать? Небось какую-нибудь хитрость придумал, типа дырок в стеклах. Ради чего мучается?

Неожиданно парень поднял голову и обернулся. Я поспешно уткнулась в книгу. Илья же неторопливо поднялся, сдал учебник и пошел к выходу. Я сунула Алене свой талмуд, вскочила и пошла за ним. На лестнице парень несколько раз оглянулся. Кажется, засек слежку. А, ладно, в случае

чего изображаю внезапно вспыхнувшую страсть. Неожиданно Илья прибавил шагу, проворно сбежал вниз, рванул на себя тяжелую дубовую дверь и выбежал на улицу. Я выскочила следом и растерянно огляделась.

– Хочешь, подвезу? – раздался прямо над ухом тихий голос.

Я оглянулась. Оказывается, Илья дожидался меня, стоя прямо за моей спиной. А до этого, видимо, стоял так, чтобы дверь, открываясь, загораживала его.

– Ты на машине?

– Да, за углом поставил.

Я секунду поколебалась. Но делать нечего, надо же познакомиться поближе. Для маньяка Илюша, пожалуй, хлипковат. Но, с другой стороны, чтобы выстрелить из винтовки, особой силы не надо. Я кивнула и послушно пошла следом за парнем. У него оказалась немного потрепанная «Лада» с прилежно затонированными стеклами. Я села на переднее сиденье, лихорадочно прикидывая, куда бы мы могли поехать. Но Илюша, даже не спросив адрес, завел мотор и поехал. Набрав скорость, он наконец обратился ко мне:

– Тебе мама не говорила, что нельзя садиться в машину к незнакомым мужчинам?

– Говорила, – согласилась я. Интересно, на какого мужчину этот соплик намекает? Уж не себя ли имеет в виду?

– Мне часто говорят, что я похож на маньяка, – не унимался Илья, левой рукой держа руль, а правой поправляя сол-

нечные очки.

Да, мальчик явно не в себе. Вот и чудненько.

– Мне тоже так показалось. Только вот никак не пойму, на какого? На Ганнибала Лектора? Или на Чикатило?

Илья слегка дернулся, затем недоверчиво покосился на меня. Но я сидела с непроницаемым лицом сфинкса. Так и не решив, насмехаюсь я или всерьез озадачена его словами, опять стал смотреть на дорогу.

– Ты не мог бы снять очки? – слегка занервничала я. – На улице дождик, а вовсе не яркое солнышко. А у тебя к тому же стекла затонированы. Ты вообще дорогу видишь?

– Вижу, – слегка охрипшим голосом отрезал мальчик. – Вылезай, приехали.

Я выбралась из машины. Илья вылез одновременно со мной и, не оборачиваясь, пошел к подъезду пятиэтажного дома. По дороге он сделал неопределенный жест рукой. Его можно было принять и за вежливое приглашение, и за предложение убираться к черту. Я решила остановиться на первом варианте и бодро засеменила следом.

В полном молчании мы поднялись на второй этаж. Парень открыл сначала деревянную дверь, затем массивную железную, и мы наконец вошли. Загудел какой-то пульт на стене. Илья нажал несколько кнопок, и гудение смолкло. Видимо, сигнализация. Интересно, какие такие ценности скрываются в этой невзрачной с виду квартирке? Тем временем Илья тщательно запирает обе двери изнутри. Покончив с засовами,

он, все так же не глядя на меня, прошел в кухню. Я потопала следом. Ага, очень даже симпатичный кухонный уголок. Вот на этот велюровый диванчик и присяду.

– Чай, кофе, потанцуем? – глухо спросил гостеприимный хозяин.

Я заколебалась. Конечно, мальчик выглядит вполне безобидным, но кто его знает... Лучше у него дома ничего не есть и не пить.

– Спасибо, я недавно пообедала. Ничего больше впихнуть в себя все равно не смогу. Но ты можешь поесть, а я просто так, рядом посижу.

Илья, однако, обедать не стал. Не снимая темных очков, он сел напротив и, глядя в стол, угрюмо произнес:

– Дома никого нет. И двери я запер. Тебе не открыть.

Спокойно, сказала я себе. Главное – разговаривать вежливо, как с нормальным. Иначе контакта не выйдет.

– Илья, зачем же мне открывать твои двери? Мы побеседуем, а потом ты их сам откроешь.

– А если не открою?

– Тогда будем здесь сидеть, пока не состаримся! – не выдержала я.

– А ты не боишься... со мной наедине быть?

– А что, укусишь?

– Нет... а вот девичьей чести лишиться не боишься?

Мне надоела эта комедия.

– Да черт с тобой, если эту самую честь найдешь, то ли-

шай. Только, пожалуйста, побыстрее. Нам еще поговорить надо.

На кухне воцарилось молчание. Илья по-прежнему смотрел в стол и не выражал никакого желания лишать меня невинности. Я терпеливо ждала. Наконец парень, полностью отвернувшись от меня, заговорил снова:

- Ты зачем сюда приехала?
- Ну я же объяснила – поговорить!
- О чем?
- О записках. Анонимных.

Признаюсь, такой реакции я не ожидала. Мальчик дернулся как ужаленный, вскочил с табуретки и быстро выбежал из кухни. Судя по звуку, пробежался по коридорчику, заскочил в комнату, выбежал обратно... Наконец зашел на кухню снова.

– Да, это я их написал. Я же говорил, что я – маньяк! Ну что, побежишь в милицию доносить?

В голосе мальчика звучали слезы. Жаль, из-за темных очков я не видела его глаз. Впрочем, для дела это, наверное, и неплохо.

– Илья, я не доносица. Просто расскажи мне все. – Я старалась говорить максимально ласково, нежно, как с тяжелобольным. – Ты писал записки... а кто стрелял в девушек?

– Не знаю. Я его не знаю! – Мне показалось, что еще мгновение – и он разрыдается. Но парень взял себя в руки. – Я когда тебя рядом с Аленой увидел, сразу подумал – ты из

милиции. Но потом ты ко мне поехала, даже не спросила ничего...

– И ты решил, что я не по этому делу, просто так очарована твоими мужскими прелестями, что готова за тобой хоть на край света, – не выдержав, съехидничала я. – Нет, дорогой, ты оба раза ошибся. Я не из милиции, и ты меня как мужчина не привлекаешь... увы! А вот насчет анонимок, пожалуйста, подробнее. С какой это радости твою умную голову посетила мысль их написать?

– А ты откуда?

– От верблюда! Частный сыщик я, мисс Марпл-Пинкертон! Давай наконец по делу!

Илья опять сел напротив и, пристально вглядываясь в белую пластиковую скатерку на столе, медленно начал говорить:

– Ты меня просто не знаешь... ну, может, Алена рассказывала. Я поэт... Я по-другому вижу, по-другому чувствую. Ну, тебе это неинтересно. Но они надо мной смеялись, все эти девчонки. Твоя Алена, кстати, тоже. Называли маньяком, эротоманом. Тебе она говорила, Алена? Нет? А про шарфик? Не говорила? Ты просто меня успокаиваешь. Они надо мной издевались. А я ничего не мог им сделать, ничего доказать!

Исповедь Ильи я слушала около получаса. Метания непризнанного поэта, вынужденного находиться среди грубых, невежественных девчонок, их насмешки и оскорбле-

ния. У Ильи было слишком много чересчур ярких особенностей характера, чтобы ровесники воспринимали его всерьез. В школе его буквально травили, и мальчик, поступив в универ, решил, что чем все время бояться самому, уж лучше пусть его бояться. Он старательно изображал сексуального маньяка, но девицы-сокурсницы наотрез отказывались признать его сексуальным, и его маньячество вызывало у них лишь здоровый смех. История с Аленой оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения мальчика. Еще немного – и я бы заревела от сострадания. Но тут Илюша перешел наконец к основной части рассказа, и предательски наворачнувшиеся было слезы как-то сами собой рассосались.

Примерно месяц назад в квартире Ильи раздался телефонный звонок. Вежливый мужской голос позвал к телефону господина Стуба. На просьбу представиться незнакомец не откликнулся, лишь сказал, что Илью он знает отлично.

– Он сказал, что много обо мне слышал и очень сочувствует. Мои стихи... они чудесные, просто глупые девчонки не могут оценить.

А затем неизвестный любитель Илюшиной поэзии предложил замечательный план мести.

«Вас, господин Стуб, называют маньяком. Эти дурочки просто никогда с маньяками не сталкивались. Пора их немного... припугнуть. Вы согласны?»

Конечно, Илья согласился. Незнакомец тут же надиктовал два текста. Один надо было переписать на двух листах и

подбросить в почтовые ящики двум девицам – Ире и Тане. Незнакомец сам назвал их имена и фамилии. Третье письмо надо было написать через два дня и подбросить Алене Смирницкой.

«Но в чем фишка? Почему бы не подбросить письма всем трем сразу?» – удивился Илья.

«Друг мой, фантазии вам не хватает, – вздохнул телефонный собеседник. – Представьте, сначала записки приносят в универ те две дурочки, Ирка и Танька. Народ читает, удивляется... может, немного пугается. А еще через пару дней похожее письмо приносит третья девчонка! Да еще та, которая в жуткой ссоре с первыми двумя! Вот над ними всеми однокурсники поржут! Да что там, весь универ потешаться станет! Считай, ты будешь полностью отомщен! А через пару месяцев сможешь признаться в авторстве. Пусть все утрусся».

«А вам-то это зачем? Они вас тоже обидели?» – осторожно спросил Илья. План показался ему заманчивым, но что-то слегка смущало...

«Илья, – проникновенно произнес голос, – у тебя не будет другого шанса отомстить. Если не ты, записки напишет другой. А ты так и останешься вечным посмешищем».

В трубке раздались короткие гудки. Илья еще немного подержал трубку в руке, затем положил на рычаг. Задание его сильно смутило. Кто ему звонил? Кто-то из универа, имеющий зуб на Алену? Но почему неизвестный мститель не хо-

чет подложить записки сам? Он знает адреса всех трех девчонок, ему что, лень самому дойти до почтовых ящиков? Или он боится писать записки – опять же, почему? Если написать печатными буквами, никто сроду почерк не опознает. К тому же не будут ведь эти дурацкие записки исследовать в милиции? Так чего, собственно, бояться?

Всю ночь мальчик не мог уснуть. Что-то странное было в этой просьбе, что-то, чего он понять не мог. Девочки могут не испугаться, получив записки. Могут их вообще никому не показать. Или... могут догадаться об авторстве. Последнее пугало его больше всего.

Но под утро он все же решился. В самом деле, другого шанса отомстить у него не будет. План может и не удался – но он хотя бы попробует. Может, ну хоть чуть-чуть получится напугать вредных девчонок и выставить на посмешище своего главного врага – Алену. Так лучше, чем каждый день лишь мечтать о сладкой мести, зная, что это навсегда останется пустыми мечтами... Еще два дня он собирался с духом, а затем приступил к действиям.

– Пойми, – взволнованно говорил он мне теперь. – Сначала все шло так хорошо. Над Иркой и Танькой и правда весь универ потешался. Я, правда, не понял, почему Алена никому про записку не рассказала. Это тебе лучше знать. Я ее отнес через два дня, как и было сказано. Наверное, испугалась насмешек. Но и так все было хай-класс! Я уже готовился признаться во всем. Они бы в другой раз здорово подумали,

прежде чем надо мной прикалываться. Но тут...

– Почему ты ничего не сказал милиции?

– А ты бы на моем месте сказала? Вдруг они решат, что я не только писал, но и стрелял?

Да, никто, включая меня, нашей доблестной милиции не верит. На месте Ильи я тоже ни за что не доверилась бы следствию. Но вот можно ли верить самому Илье? Очень уж странной кажется вся эта история с анонимным звонком. Зачем неведомому снайперу такие сложности? Зачем ему диктовать кому-то текст записок, когда он мог сделать всю несложную подготовительную работу сам? Может, снайпер нам попался неграмотный? Или поленился выводить адреса печатными буквами? Или запахло было самому бросать конверты в почтовые ящики?

Мог ли убийца бояться соседей? Маловероятно, девушки были убиты через две недели после получения писем, за это время любые свидетели давным-давно забыли бы его лицо. Кстати, Илью никто из опрошенных свидетелей и не вспомнил. Тогда в чем загвоздка? А вдруг не было никакого анонима, записки написал сам Илья, но этого ему показалось мало, и он взял в руки ружье. Нет, не ружье, винтовку с оптическим прицелом.

Но тогда зачем он мне признался? Доказать его авторство я не могу, найти винтовку – тем более. Послал бы меня к такой-то бабушке и дальше бы стрелял по живым мишеням в свое удовольствие, наверняка на белом свете найдется много

людей, к которым у Ильи имеются претензии. Да, многое в этой истории не срастается. И обвинять мальчика ни в чем не хочется, я уже и так напрасно подозревала Алену. Правда, мне хватило ума ей об этом не говорить, но девушка, по-моему, чувствовала мое недоверие и сильно переживала. Она-то мне доверила свою жизнь!

– А зачем ты следил за Аленой?

– Но ведь девчонок застрелили! – выкрикнул парень. – Не по приколу, а на самом деле! Кто мог это сделать, кроме того уроды, который мне звонил? И теперь Алене грозит опасность. Я все думал – а вдруг она не получила письма? Мало ли, не ночевала дома, а кто-то из родни уничтожил глупую анонимку? И теперь она просто не знает об опасности?

– Ну так предупредил бы!

– И во всем признался? Я хотел написать еще одну анонимку, но...

Он замолчал. Да, отправить насмерть перепуганной девчонке еще одну анонимку – это круто. Слава богу, он все-таки не решился на такое. Алене и так хватило переживаний, врагу такого не пожелаешь.

– Ладно, расскажи все, что можешь, о звонившем: молодой, старый, сможешь ли опознать голос?

– Не подросток, это точно. Солидный такой голос, очень вежливый. Может, 25, может, 35, может, и все пятьдесят. Не знаю. А насчет опознания – ты сможешь узнать голос, который слышала в течение десяти минут по телефону месяц на-

зад?

Ох, вот этого точно не смогла бы. Когда-то на заре юности бывало встречалась я сразу с двумя, а то и тремя кавалерами. Мобильные телефоны тогда не были настолько популярны, как сейчас, и я давала парням номер домашнего. А потом, беседуя по телефону с очередным ухажером, долго гадала, кто же мне звонит: Петя, с которым вчера ходила в кино, или Коля, с которым позавчера целовалась в парке? Обычно с помощью наводящих вопросов мне удавалось вовремя выяснить имя позвонившего. А иногда, увы, и ошибалась. И Коля, кокетливо названный Петей, навсегда исчезал с моего горизонта. Но это все лирика, к делу не относится. Пока же ясно одно – Илюша нам с Аленой ничем не поможет. Впрочем...

– Ладно, Илья. Считаю, я тебе поверила. Но ты виноват перед девушками, а особенно перед Аленой. Ты мог не признаваться в милиции, но ей ты должен был признаться обязательно.

– Да, наверное, – глухо произнес парень.

– Так вот, если нам понадобится помощь, мы можем на тебя рассчитывать?

Илья вскочил:

– Нужна помощь? Какая?

– Пока не знаю. Если понадобится – скажу.

Глава 6

Прямо от Ильи я позвонила Алене. Она уже приехала домой и с нетерпением ждала меня. Илья вызвался подвезти, так что до дома Алены я добралась с комфортом. К сожалению, порадовать ее мне было нечем. А то, что мне сообщила Алена, и вовсе повергло меня в шок.

– Поля, он мне... звонил, – прямо с порога выдала перепуганная девушка.

– Кто звонил? – не врубилась я, почему-то подумав об Илье. Хотя когда же он мог звонить, мы только пару минут назад с ним расстались.

– Он... Ну тот, кто стрелял. Примерно час назад звонил. Он сказал, чтобы я готовилась, мой час настанет 8 марта.

– Вот гад, к Женскому дню подгадал! Ты в милицию позвонила?

– Зачем? Мне уже все сказали, когда я рыдала там, показывая свою анонимку.

– Ладно, сегодня только 3 марта, у нас еще полно времени. Если что, начиная с 8-го засядешь на недельку дома. К окну и двери подходить не будешь. Так что, в принципе, время вычислить гада у нас есть.

– А если не вычислим?

– Не будем отвлекаться, – уклончиво заявила я. – Мне лично кажется, что Илюша точно не мог никого застрелить.

Тем более не мог сегодня звонить, мы все время были вместе. Трогательный мальчик, зря ты на него так ужасно наехала.

– Да я и сама была не рада.

– Но если не он, то кто? Деканша, Филипп, Гоша? Надо бы с ними побеседовать. Где их можно встретить, так сказать... в неформальной обстановке?

– Думаешь, они признаются?

– Интуиция подскажет, – полушутя ответила я.

Конечно, интуиция меня не раз подводила, но я по-прежнему в нее верю. Больше всего мое доверие к интуиции напоминает известный анекдот: внутренний голос подсказывает игроку в казино: «Все поставь на красное!» Игрок ставит на красное все свое состояние и проигрывает. Внутренний голос произносит: «Надо же, как я ошибся!» Поэтому, не полагаясь только на внутренний голос, мы с Аленой принялись подробно разрабатывать план действий. Оказалось, что пообщаться с Филом в неформальной обстановке несложно, только для этого нужно освоить хоть несколько па нового модного танца – сальсы.

Дело в том, что примерно полгода назад Белгород захлестнуло поветрие – народ от мала до велика записывался на курсы танцев. Популярностью пользовалось и аргентинское танго, и фокстрот. Но больше всего очков почему-то набрала именно кубинская сальса. На мой взгляд, не самый красивый латиноамериканский танец, некая смесь бразильской самбы

с рок-н-роллом, но публика была в восторге.

Курсов сальсы становилось все больше, а главное, почин подхватили городские кафе. Несколько модных заведений начали устраивать вечера сальсы. Примерно к девяти вечера случайные посетители исчезали из кафе, из колонок звучала сальса, и публика вовсю танцевала. В эти кафе танцоры организованно стекались после курсов танцев, зачастую вместе с преподавателями. У молодых девушек и парней появилось нечто вроде отдушины. Теперь им было чем заняться после работы или учебы: сначала курсы, затем танцы в кафе, на следующий день – поход в другое кафе и снова танцы...

На танцы шли даже те, кто от природы был лишен слуха и чувства ритма. Стеснительные парни чувствовали себя на танцах королями – их было, разумеется, намного меньше, чем желающих потанцевать девчонок. К тому же почти все любители сальсы заканчивали курсы, где между ними возникали приятельские отношения, можно сказать, дружба по интересам. И в кафе, куда после курсов приходили танцоры, отношения были такие же: самый некрасивый парень мог пригласить красотку, не боясь нарваться на отказ: ведь друзьям не отказывают. Разумеется, чувство общности, возникающее под бодрящую музыку в переполненных кафе, было всего лишь иллюзией, но насколько приятной!

И вот представьте, как здорово после рабочего дня, протопав несколько кварталов по грязно-желтой снеговой каше, щедро усыпанной ядовитой солью, мгновенно разъедающей

сапоги, попасть сразу в знойную латиноамериканскую атмосферу, в кафе, где вместо ярких люстр горят лишь маленькие матовые светильники по углам... Стены сальса-кафешек обычно украшали либо картинами с портретом Че Гевары, либо яркими кубинскими фотографиями, на которых плясали полуголые знойные мулатки. За музыку и возможность потанцевать с посетителей не брали ни гроша. Зато чай или алкогольный коктейль в таких кафе стоил раза в четыре дороже, чем в похожих бистро напротив.

В определенный час столики в зале сдвигались к стенам, освобождая место для танцев. Из динамиков лилась бодрая латиноамериканская музыка, и кто-то из специально приглашенных танцоров выходил в зал, оглядывался и приглашал любую понравившуюся ему девушку. В одном из кафе на роль «первого танцора» директор пригласил настоящего негра-кубинца, который и заводил публику. Некоторое время парочка смелых кружилась по залу в одиночестве, но уже через пару танцев народ отставлял в сторону недопитый драгоценный чай и присоединялся к танцующим. Обычно через час после начала на импровизированной танцплощадке было уже не протолкнуться.

Кроме того, не знаю уж почему, но на меня уютные кафешки с зажигательными ритмами сальсы вовсе не действовали как бодрящий напиток. Почему-то я всегда предпочитала небольшую дружескую компанию, собравшуюся у кого-либо дома и поющую под караоке. А вот теперь оказалось,

что курсы мне очень быгодились. Все эти танцевальные кафе посещал Филипп, естественно, без своей сушеной воблы. Как она отпускала его в этот латинский рай, непонятно, видимо, женушка Филу досталась неревнивая. Алена пару раз ходила туда вместе с ним. Теперь туда предстояло отправиться мне.

– Ну хорошо, приду я в кафе, а дальше-то что? Танцевать я не умею. Ходить на курсы, чтобы научиться, – времени нет, тебя, тьфу-тьфу, раньше застрелить могут.

– Да я немного танцевать умею, Фил научил. Давай покажу.

Примерно полчаса мы с Аленой танцевали сальсу. Действительно, танец несложный. Шаг вперед, шаг на месте, шаг назад. Ой, тут же в ритм попадать надо! Шаг вправо, шаг влево, вперед-назад-вперед... Потом пошли повороты. Они меня запутали окончательно.

– Алена, не хочу я в этом кафе одна маячить.

– Да там парни подходят, приглашают.

– Наверное, приглашают тех, кто танцевать умеет. Я после твоего урока все равно ничему хорошему не научусь.

– Но если я с тобой пойду, думаешь, тебе удастся с Филом поговорить?

– Да, уж это вряд ли. Можно было бы мою подружку позвать, но придется слишком долго объяснять ей, зачем я туда иду и для чего мне нужен Филипп...

– А давай позовем Пашу. Обучишь его азам, и мы с ним

вместе пойдем сальсу отплясывать..

Безработный Паша, живший в соседнем районе, явился на зов часа через два. Наверное, пешком добирался. Когда ему объяснили задачу, заметно приуныл, но потом приободрился:

– Полечка, мы с тобой после танцев куда-нибудь еще сходим?

– Ну да, конечно... – Я с трудом подавила желание послать Пашу в то место, о котором интеллигентные девушки даже знать не должны. Из-за него я ввязалась в это дело, а теперь должна еще его ухаживания терпеть!

Дальше начался форменный кошмар.

– Павел, я тебе русским языком говорю: шаг вперед, шаг назад, шаг на месте, и опять вперед! – Алена быстро начала злиться. – Ну куда ты опять прешь, ну куда! Ты мне все ноги оттоптал! Тренируйся теперь с Полей!

– Вот здорово! – возмутилась я. – Я ради тебя рискую, можно сказать, жизнью, а теперь должна еще и последних ног лишиться!

– Сама иди на танцы, я же тебе сразу это предлагала! Я не могу больше с этим уродом возиться!

– Это кто тут урод? – возмутился Паша.

– Пашенька, ты красавец! – лстиво запела я, испугавшись, что идти в сальса-кафе мне все же придется одной. – Но уж больно неуклюжий... Постарайся выучить несколько движений, ну пожалуйста!

Пытка Паши началась заново. Наконец он вроде бы усвоил несколько самых простых движений и вообразил себя заправским танцором. И решил, поскольку танец латиноамериканский, во время его исполнения необходимо энергично крутить бедрами.

Вид виляющего тощим задом Паши уморил меня настолько, что я упала на тахту и лишь тихо поскуливала, утирая выступившие на глазах слезы. Алена, увлеченная танцем, сначала не обратила внимания на странные телодвижения партнера, но мой скулеж, становясь все громче, в конце концов привлек ее внимание. Она с недоумением оглянулась на меня, затем перевела взгляд на извивающегося Пашу, и ее рот смешно полуоткрылся, затем она оттолкнула парня, подбежала к магнитофону, выключила музыку и напала на бедолагу:

– Ты что, решил изобразить червяка на удочке?

– Это же сальса! Куба, солнце, мулатки-шоколадки! – самодовольно произнес Паша. – Они все задом крутят!

– Да ты же на ногах не держишься, все время на бок заваливаешься! – возмущалась Алена. – Какие еще мулатки! И вообще, ты же, блин, мужик!

– Мужики на Кубе тоже бедрами вращают, – возразил Паша, – танцевать – так по всем правилам!

– Так танцуй, а не изображай жертву неудачной рыбалки! – взвилась Алена. – Вот объясни, как ты на таком расстоянии умудряешься мне на ноги наступать?

– У него особый дар! – простонала я с тахты – и тут же поплатилась за свое выступление.

– Поля, теперь твоя очередь! – скомандовала Алена. – И вообще, это же тебе с ним на танцполе возиться, ты и должна к нему привыкать!

– К этому невозможно привыкнуть! – взмолилась я. – Ну, пусть он хотя бы попой вращать перестанет!

– Еще раз попой дернешь – пропеллер вставлю! – пригрозила Алена.

В общем, мне все же пришлось подняться с понравившейся мне мягкой тахты и начать отплясывать с вошедшим во вкус Пашей. Сальсу мы разучивали до поздней ночи. То ли Алена оказалась никудышным учителем, то ли мы – плохими учениками. Паша больше не крутил задницей, зато все норовил обнять меня покрепче и прижать к своему хилему тельцу, но, поскольку танец никаких тесных объятий не предусматривал, мне удавалось легко от него отбиться. Тем не менее борьба с настырным ухажером отнимала много сил, и на собственно танец их уже не хватало. Примерно в полночь Алена взмолилась:

– Ребята, я уже мокрая вся, а вас все равно ничему не научила. Идите как есть, никто вам слова не скажет. Даже наоборот, еще и лучше, подойдешь к Филу, попросишь научить – он танцует сногшибательно.

Я устала до такой степени, что меня уже не интересовал ни Фил, ни танец – добраться бы до постели. Еще минут десять

мы вместе с товарищем по несчастью рассматривали фото Филиппа, снятое Аленой на цифровую «мыльницу», и наконец поплелись к выходу. Паша вызвался проводить меня до дома, и мы, разумеется, пошли пешком – денег на такси не было ни у меня, ни у него. У подъезда Паша заныл:

– Поля, почти час ночи, мне что, домой ползти? К утру, конечно, дойду, но ведь ноги распухнут, на сальсу я еще месяц не хожу буду...

– Ладно, переночуешь у меня, только смотри, руки не распускай. А то, боюсь, ты не только на танцы – по улице месяц ходить не сможешь.

Ночь прошла спокойно. Паша, уложенный на раскладушке в кухоньке, вел себя смирно. Правда, разок постучался ко мне в дверь спальни, но, выслушав пожелание немедленно удалиться, покорно убрался восвояси и более мой сон уже не тревожил. Наутро я покормила гостя завтраком, и мы расстались, с уговором встретиться у входа в кафе «Липтон» в девять вечера.

Ровно в девять вечера я стояла возле кафе. Никаких следов Паши не было видно. Я позвонила ему на мобильный. «Номер заблокирован», – спокойно ответил металлический женский голос. Вот это да! Когда он успел номер-то заблокировать? Прошло еще четверть часа. Сквозь окошки я видела, как в кафе готовятся к танцам – столики из центра зала сдвинули к стенам, настольные свечи во избежание пожара переставили на подоконник. Паша все не появлялся. Вздох-

нув, я с мобильного позвонила ему на домашний номер. К телефону подошла его мать.

– Поля, это ты? А Паша пять минут назад куда-то уехал... – растерянно произнесла она.

– Марина Петровна, он должен был четверть часа назад быть рядом со мной, – устало сказала я. – А не знаете, что у него с мобильным телефоном?

– Да за неуплату отключили.

Прощавшись, я отключилась и снова принялась ждать. Температура к вечеру опустилась примерно до нуля, хорошо хоть зима с суровыми морозами закончилась, а то застудила бы себе все внутренние органы. Ай да Пашка, ай да сукин сын. Денег у него нет, телефона нет, и вовремя приехать он тоже не может. А кстати! Вдруг он не наскреб 20 рублей на транспорт, и теперь из своего района в центр пешком идет? Так я его к полуночи не дождусь! Что же мне теперь, погибать на морозе? Плюнув на все, я зашла внутрь кафе и, сняв куцее пальтишко, скромно села за столик в самом дальнем углу. Народу в кафе почти не было.

– Чай, пирожные? – тут же подскочила официантка.

– Меню, пожалуйста.

Меню мне принесли. Ого, дорогое, однако, кафе! Самый дешевый чай стоил не меньше пяти долларов, пирожные – еще дороже, на алкогольную карту я не стала даже смотреть, чтобы не расстраиваться. Мелькнула мысль, что кроме прочего надо бы брать с Алены деньги на текущие расходы. Я

девушка бедная, безработная, куда мне разгуливать по таким заведениям? А вообще, мы с Пашей, похоже, прекрасная пара. Вот потанцуем и друженько пешочком потопаем к Алене клянчить денег. Я немного развеселилась и довольно бодро заказала чаек.

Примерно в половине десятого кафе стало быстро заполняться. На свободные стулья за мой столик подсело сначала три человека, затем к ним подвалила еще компашка из трех девушек и парня, а затем народ пошел сплошным потоком. Видимо, закончились очередные курсы сальсы. Стульев давно не хватало, люди стояли между столами и в дверях, а часть вновь прибывших, побросав пальтишки на спинки занятых кем-то стульев, сразу пошла танцевать. Еще через пять минут весь небольшой зальчик был забит под завязку. В середине зала, отведенной под танцы, народу набралось больше, чем селедки в пресловутых бочках.

Танцоры страстно извивались, попутно пихая локтями соседние пары и втыкая шпильки сапожек им в ноги. Громкая музыка била по ушам, но периодически ее перекрывали протяжные стоны – это в очередной раз кому-то попадали локтем по скуле. Мне стало не по себе. С моими способностями к танцам меня, пожалуй, просто затопчут...

Тут я встрепенулась. Вон рядом с миниатюрной крашеной блондинкой извивается высокий брюнет с гладкими локонами. Если меня не подводит зрительная память, это Филипп собственной персоной. Да, действительно красавчик,

настоящий «латинский любовник». Не такой мускулистый, как Бандерас, и черты лица более тонкие, но зато рост, фигура... и танцует как – закачаешься! Я еще немного полюбовалась на танцующего Фила. Как жаль, что нету Паши! Мы бы пристроились танцевать рядом с Филом, и я, как бы случайно, со всей дури наступила бы ему на ногу.

Я с тоской посмотрела на плоские подошвы стареньких сапожек. Да, нанести серьезную травму все равно бы не получилось, обошлось бы небольшим ушибом, но все же появился бы повод для знакомства. А там, глядишь, попросила бы какое-нибудь движение показать, пригласила бы за свой столик, предложила бы как пострадавшему свой стул...

Ну что же, Паши нет, а мне все равно придется рискнуть жизнью и через опасный танцпол, сильно напоминающий поле боя, подобраться к объекту поближе. Попытки с третьей мне это удалось. Осторожно обогнув танцующих и всего лишь раз получив локтем по уху, я оказалась зажатой в угол буквально в нескольких сантиметрах от самозабвенно пляшущего Фила. Я смотрела буквально ему в глаза, но он меня не замечал. Но вот музыка заиграла что-то медленное, тягучее, пары стали расходиться по своим углам, а те, кому не досталось места даже у стеночки, плавно вытекали в холл. Филипп, кивнув блондинке, отошел к стенке и стал рядом со мной.

– Извините, а вот этот танец как называется? – встав на цыпочки, крикнула я в ухо парня.

Он вздрогнул и обернулся. В первое мгновение мне показалось, что меня грубо пошлют, но мой вид, похоже, смягчил его гнев.

– Это бачатта. А вы новенькая?

– Да, меня друг пригласил на танцы. А сам не пришел. – Я отчаянно заморгала, пытаюсь выдавить хоть слезинку. – Представляете, я ему уже чай заказала, пирожные... А его все нет! Мне самой все съесть пришлось, а я на диете!

Тут я представила рожу Павла, которого в награду за опоздание ждали бы на столике пирожные и ваза с цветами, и из глаз без всяких усилий брызнули слезы. Закрыв лицо руками и задыхаясь от смеха, я продолжала:

– Ну что же ему не хватает? Я для него на все готова! Вот, недавно золотую цепочку продала, чтобы ему в подарок хороший одеколон купить! А он! На танцы! Не пришел!

Моя истерика, похоже, возымела действие. Филипп ласково дотронулся до моей ладони, закрывающей лицо:

– Такая красивая девушка не должна плакать. Давайте я с вами потанцую.

– Я плохо танцую... Вам не понравится... – пролепетала я, в душе празднуя победу.

Поскольку центр зала был свободен, мы без особых помех потанцевали. Бачатта отличалась от сальсы не только ритмом, но и движениями, надо было тесно прижаться друг к другу и делать шаги из стороны в сторону, неистово вращая бедрами. Филипп вел великолепно, его объятия были неж-

ны и, не скрою, очень даже приятны. Я прикидывала, как бы начать разговор об Алене, и в этот момент в зале появился Паша. Он мгновенно сориентировался в обстановке и бросился ко мне:

– Полечка, я пришел!

– Пашенька, дорогой! Наконец-то! – протянула я, мысленно посылая дурачка к такой-то бабушке.

Филипп растерянно разжал объятия. Возможно, его поразил внешний вид редковолосого и почти беззубого Паши, ради которого я была готова на любые жертвы. Но как бы то ни было, мой план рухнул, теперь Фил решит, что халявных пирожных ему не обломится, халявного секса тоже, и пойдет он танцевать с другими любительницами красивых мужчин. А я так ничего и не выясню. Другого раза у меня не будет, времени нет, оно стремительно утекает. И я решила идти ва-банк:

– Пашенька, милый, я так боялась, что тебя тоже убьют!

На лице Павла отразился неподдельный, панический ужас. Челюсть отвалилась, изо рта потекла струйка слюны. Обсуждать данный вопрос он, разумеется, был не в состоянии. Я повернулась к Филу:

– У него сегодня сестру убили, Алenu.

– У него убили сестру, а он пошел на танцы? – изумился Фил. – Я фигею, дорогая редакция.

– Я его сюда пригласила. Тут могут быть люди, которые знали его сестру. Нам нужны свидетели.

– Она ходила в это кафе? – заинтересовался Фил. – Часто? Как она выглядела?

– Она такая вот... – Паша начал выписывать руками затейливые фигуры, которые, очевидно, должны были обозначать Аленины прелести. Я не могла удержаться от неуместного смеха – не хотелось бы мне повстречать в темном переулке то чудовище, которое он так красочно изображал. Насколько я поняла по его жестам, у его сестры было три груди, причем две сзади, огромная задница и крошечная лысая голова.

– Он всегда такой или от расстройства рехнулся? – интимно наклонившись ко мне, прокричал прямо в ухо Фил.

– От расстройства, – с трудом прекратив смеяться, отпарировала я. – Кстати, я вспомнила! Она мне говорила, что встречалась с неким Филиппом, мужем деканши своего института. Нам сказали, что этот Филипп ходит на сальсу – и вот мы тут. Ты его не знаешь? Говорят, высокий, смуглый, красивый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.